

Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов

«ХАЗАРСКАЯ СУГДЕЯ» – ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ?

История Крымского полуострова «хазарского времени» (VIII – середина X в.) является одним из самых «популярных» и дискуссионных периодов в крымской медиевистике. Основные вопросы, по которым разворачиваются дискуссии среди современных исследователей, это: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период» – хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум; основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой археологической культуры на полуострове.

По мнению авторов настоящей работы, в истории полуострова VIII–X вв. можно выделить несколько этапов.

I. Конец VII – середина VIII в. Выход хазар к границам полуострова, вынудивший византийские власти выплачивать им дань. При этом хазары за вознаграждение принимали участие и во внутренних византийских конфликтах, выступая на стороне то одной, то другой партии.

II. 50–60-е гг. VIII – 70-е гг. VIII в. Переселение части населения Хазарского каганата с разрешения и под контролем византийских властей на территорию Крыма (в основном на Керченский полуостров).

III. 80-е гг. VIII в – первая половина 30-х гг. IX в. Экспансия хазар в Юго-Западную часть Крыма, а последовавший за подавлением

выступления местного населения (восстание Иоанна Готского) захват ими большей части полуострова.

IV. Вторая половина 30-х гг. IX в. – 70–80-е гг. IX в. Ослабление хазарского господства в Крыму приводит к созданию Византией здесь фемы Климатов (впоследствии переименованной в фему Херсон). К концу этого периода хазары, несмотря на попытки удержаться в Крыму, были вынуждены его покинуть.

V. Конец IX – середина X в. Попытки хазар совершать походы в Крым, который они, вероятно, продолжали считать своей землей, в основном пресекаемые византийскими властями [Могаричев и др., 2017].

Дискуссии ведутся и в отношении статуса Сугдеи в рассматриваемый период. Этот памятник до сих пор остается археологически малоизученным. Особенно это касается раннесредневековых слоев. Немногочисленные археологические комплексы Судака анализировались И. А. Барановым, А. И. Айбабиным, А. В. Джановым, В. В. Майко, С. Б. Сорочаном, А. В. Сазановым и Ю. М. Могаричевым (см. подробнее: Могаричев и др., 2009, с. 104–175; Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 91–96, 158–159, 175–177]. При этом исследователи пришли к прямо противоположным выводам: от констатации подчиненности Сугдеи хазарам и выделения «хазарских археологических комплексов» до интерпретации памятника как классического византийского города.

В ряде наших публикаций мы, проанализировав археологические и письменные источники, выдвинули гипотезу: весь раннесредневековый период Сугдея принадлежала Византии. Скорее всего, самые ранние археологические комплексы могут быть отнесены к VI – первой половине VII в. и второй половине VII в., а строительство здесь укреплений следует датировать последней четвертью VI в. [Могаричев и др., 2009, с. 104–174; Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 91–96, 175–177]. В ранневизантийское время Сугдея служила форпостом на северных рубежах империи и охраняла морские каботажные маршруты между Херсонесом и Боспором.

По мнению Ю. М. Могаричева и С. Б. Сорочана, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства Боспора в конце VI в. Возможно, избавившись от тюркской угрозы (вторая половина 70-х – начало 80-х гг. VI в.), византийская администрация Крыма несколько корректирует свою систему управления территорией бывшего Боспорского царства. В Крыму место

разрушенного тюрками города Боспора занимает новая крепость Сугдея. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова. Вероятно, вернуться к Боспору как административному центру византийцы были вынуждены, когда хазары закрепились на Азиатском Боспоре, то есть не ранее начала VIII в., а скорее всего – в середине этого столетия [Могаричев, Сорочан, 2015а; Могаричев, Сорочан, 2015б, с. 206–207].

В положении Сугдеи в VIII – первой половине IX в. не произошло существенных изменений. Имевшие место в историографии попытки связать те или иные комплексы с тюркскими или хазарскими святилищами следует признать несостоятельными. Ни в одном из случаев реально не был зафиксирован «кочевнический» комплекс. Сугдейцы хоронили в обычных для христиан плитовых могилах и в земляных склепах [Могаричев и др., 2009, с. 104–174; Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 175–177].

Анализ судакского архива моливдовулов, проведенный Е. В. Степановой, показал: византийцы не ушли из Сугдеи в период якобы господства на этой территории Хазарского каганата: «...если бы Сугдея полностью находилась во власти хазар, то печатей этого периода в Судаке не было бы найдено. Уничтоженной оказалась бы и самая ранняя часть печатей, относящихся ко второй половине VI – первой половины VIII в., поскольку архив византийских документов вряд ли бы сохранился при хазарах. Напротив, спад византийской активности в данном регионе не только не наблюдается, но отмечается даже значительный подъем. Прежде всего, это касается торговых связей города, которые, судя по сфрагистическому материалу, в это время сохранялись. Подтверждением служит печать Косьмы, главного коммерциария Понта (речь идет о Понте Полемониакском, расположенном на Южном побережье Черного моря). Она датируется серединой или второй половиной IX в. В Сугдею продолжали вести товары, в том числе медь, о чем свидетельствует уникальная для византийской сфрагистики печать второй половины VIII – начала IX в., принадлежавшая Феофану, халкопрату – торговцу медью. ... Подводя итоги анализа второго – “хазарского” периода существования судакского архива, нельзя не заметить, что уже тот сфрагистический материал, который имеется сейчас в нашем распоряжении, позволяет говорить о том, что византийцы не ушли из Сугдеи в VIII–IX вв. Особый интерес вызывают печати главных логофетов, самые ранние из которых датируются IX в. Их наличие позволяет

говорить о том, что и в это время Сугдея находилась в постоянном контакте со столицей империи. Учитывая же характер деятельности этих чиновников и большое количество их печатей можно предположить, что и в IX в. на территории Сугдеи шел сбор налогов, что вряд ли было возможно на враждебной Византии территории. При решении проблем, связанных с оценкой исторических процессов в Юго-Восточной Таврике в этот период, данный сфрагистический материал нельзя не учитывать» [Степанова, 2001, с. 101–104] (см. также: [Могаричев и др., 2009, с. 175–192; Степанова, 2005; Stepanova, 2003; Степанова, Шандровская, 2004 и др.]).

Показательна также находка в Судаке золотых монет Константина V. Исследовавшая их В. В. Гурулева пришла к выводу, что они, несомненно, были в обращении, причем именно среди грекоязычного населения города. Свидетельством этого являются граффити в виде греческих букв на некоторых из монет и обрезанные края денег. Это говорит о санкционированной местными византийскими властями акции. Даже то, как были обрезаны эти монеты, говорит о том, что делали это не варвары, а подданные Византийской империи [Гурулева, 2004].

Таким образом, нами был сделан следующий вывод:

1. На всем протяжении существования Сугдеи, вплоть до генуэзского времени, прослеживается преемственность материальной культуры. Она выражается как в архитектуре жилых построек, фортификации, погребальных сооружениях, так и в характере керамического комплекса. Архитектурные особенности построек однозначно указывают на их византийское происхождение. Наличие варварского компонента в керамическом комплексе является типичным для провинциально-византийских городов, каковым несомненно и являлась Сугдея.

2. Предпринимавшиеся исследователями попытки связать те или иные комплексы с тюркскими или хазарскими святилищами следует признать несостоятельными.

3. Анализ письменных, нумизматических, сфрагистических источников и их сравнение с данными археологии однозначно указывает на то, что на протяжении всего рассматриваемого периода Сугдея была и оставалась провинциально-византийским городом, принадлежность которого Византии абсолютно очевидна. Соответственно, концепцию о существовании «Крымской Хазарии» с центром в Сугдее следует признать историографическим мифом» [Могаричев и др., 2009, с. 165–166].

В 2017 г. были опубликованы две работы А. И. Айбабина с одним и тем же показательным названием «Хазарская Сугдея» и практически идентичным текстом [Айбабин, 2017а; Айбабин, 2017б], в которых данный исследователь повторил свою более раннюю позицию по данному вопросу [Айбабин, 1999, с. 194, 205; Айбабин, 2003]. Мы не оспариваем право каждого автора отстаивать свое видение исследуемой им научной проблемы. Однако уважаемый оппонент «не заметил» ни наших работ, ни работ других исследователей, выводы которых противоречат его точке зрения. Это вынуждает нас еще раз обратиться к данному вопросу.

Основные положения А. И. Айбабина: «В процессе раскопок на территории Сугдеи не выявлены культурные слои или постройки ранее последней четверти VII в.» [Айбабин, 2017а, с. 306]; «В первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия хазары создали в городе таможню» [Айбабин, 2017а, с. 306]; «Самое раннее сообщение о Св. Стефане Сугдейском содержится в Минологии, составленном в конце X или в начале XI в. В нем, после рассказа о мученичестве Стефана Нового, сказано о высылке в Сугдею Стефана» [Айбабин, 2017а, с. 307]; в полемике с С. А. Ивановым, относящим создание Жития Стефана Сурожского к иконоборческому времени, отмечает: «Однако использование в житии (Армянском. – *Авт.*) ревностного иконопочитателя эпитета благочестивый по отношению к одному из инициаторов иконоборчества (Константину Копрону. – *Авт.*) скорее свидетельствует о поздней дате армянской версии жития. Армянский агиограф, за давностью лет, видимо, и не знал обо всех реалиях борьбы с иконами в Византии» [Айбабин, 2017а, с. 308]; упоминаемый в Житии Стефана Сурожского Юрий (Георгий) Тархан подчинялся наместнику хазарского кагана, ставка которого находилась в Боспоре [Айбабин, 2017а, с. 308].

В своих работах мы попытались проанализировать все исследованные раннесредневековые комплексы Сугдеи, в том числе показать и ошибочность выводов А. И. Айбабина [Могаричев и др., 2009, с. 104–174; Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 91–96, 175–177]. Учитывая, что уважаемый оппонент «игнорирует» наше мнение или, по крайней мере, не приводит каких-либо дополнительных аргументов для системы своих доказательств, наша позиция остается неизменной: археологические материалы позволяют считать,

что основание византийцами Сугдеи произошло за столетие до «последней четверти VII в».

Как показала Е. В. Степанова (см. выше), анализ судакского архива печатей (да и археологический контекст) однозначно позиционируют Сугдею как византийский город. Версия о «хазарской таможене» представляется очевидным нонсенсом. Отметим, что никаких контраргументов против подобной гипотезы А. И. Айбабин не приводит.

Очевидно, пассаж из Минология Василия II является не первичной информацией, основанной на недошедших до нас древних документах, а вторичной по отношению к Житию Стефана Сурожского: «Подвиг святых, которые вместе со св. Стефаном Новым приняли мученичество за святые иконы. Многие из стратиотов, опять же православных, уволенные без средств к существованию, стали монахами. Но и их самих убил беззаконный царь (Константин V. – *Авт.*) в наказание. А также еще одного, Василия по имени, (царь) ослепил и повредил пинком его внутренности, когда услышал, что тот говорил о поклонении святым иконам. И в таком состоянии тот был сослан, и после травмы скончался. А другой, будучи заключенным в (темнице) Состенее, подвергся отрезанию носа, был сослан в Херсон, где его намеревались убить, бежал в Хазарию, в которой стал епископом и позднее скончался. Другой же, Стефан по имени, был сослан в Сугдию и многим принес пользу, (там) обрел конец жизни» [*Могаричев и др., 2009, с. 202–203*]. Напомним, в самом тексте Жития Стефана Нового упоминаний о ссылке Стефана в Сурож нет [*Васильевский, 1912, с. 349*]. Появление в данном источнике (похожее сообщение о ссылке некоего Стефана в Сугдею содержится и в Синаксаре Константинопольской церкви (рукопись de Sirmond) [*Delehaye, 1902*]) рассматриваемого сюжета может быть вставкой авторов конца X – первой четверти XI в, стремившихся подчеркнуть масштабность репрессий Константина Копронима и знакомых уже с «переработанной» редакцией Жития Стефана Сурожского [*Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 501*].

Следует также заметить, что в греческих вариантах синаксарей ничего не сообщается о последующем епископстве в Сугдее ссыльного Стефана. Эта информация присутствует только в Великих Четых-Минях [*Васильевский, 1912, с. CCVIII–CCIX*] и вполне могла быть вставлена русским редактором, несомненно знакомым с Житием Стефана Сурожского и отождествившим

репрессированного Стефана с одноименным и известным ему сурожским епископом. Отметим, что сам факт ссылки в Сугдею свидетельствует исключительно в пользу византийской, а не хазарской, принадлежности города и прочных позиций там центральной власти. Высылка константинопольскими властями опальных деятелей в «хазарскую Сугдею» выглядела бы очевидным нонсенсом.

Положительное отношение к Константину V прослеживается не только в Армянском Житии Стефана Сурожского, но и в Церковно-Славянском. Армянское Житие: «И спустя немного дней сдох окаянный царь, и по заслугам отправилась душа его в тартары преисподней. После него царствовал Костандинос, сын Коприна, (муж) с христианской верой и благочестием. И привезли от Лазаров, из города Керча, дочь царя Вирха в жены Костандиносу, и было имя царицы Ерини. А по прибытию царицы, соответственно имени (ее) настал мир во всей стране. И поскольку прежде царица Ерини была наслышана о славе чудес святого Степанноса, сказала царю: “Желаю попросить у тебя нечто”. И говорит (тот): “Проси, как и желаешь”. И говорит (она): “Желаю, чтобы освободил заключенных епископов”. И тотчас выведя, освободил всех, и отправил святого Степанноса на царском корабле в престол его» [Могаричев и др., 2009, с. 63–64]. Церковно-Славянское: «И сказала она (супруга Константина V. – Авт.) своему мужу: «Господин царь, отец твой посадил в темницу нашего архиепископа Стефана Сурожского, молю тебя, если любишь меня, отпусти его!». Царь послал за ним и приказал так, чтобы его привели к нему. И в то время родился у царя сын, и крестил его святой Стефан. Царь же, одарив, отпустил святого Стефана на корабле с великой честью в Сурож на свою кафедру» [Могаричев и др., 2009, с. 50]¹. Следовательно, пиетет автора Жития по отношению

¹ Отметим, что близкую к А. И. Айбабину точку зрения высказал А. Ю. Виноградов: «С. А. Иванов предложил датировать ранний слой оригинального Жития концом VIII – началом IX в. по благожелательному упоминанию Константина V Копронима в армянском переводе. Однако эта гипотеза маловероятна по двум причинам: 1) благочестивый Копроним есть только в армянской версии (что легко объяснить равнодушием армянского редактора к постхалкидонским византийским реалиям), тогда как в славянской версии (отражающей более полный текст Жития) он описан негативно, то есть его характеристика в греческом оригинале неясна. ... Поскольку же первые материальные свидетельства существования Жития относятся к началу XIV в. то значит, в нынешнем виде (с посмертными чудесами) оно могло быть

к Константину Копрониму, с большой долей вероятности, присутствовал уже в протографе. Соответственно, этот аргумент А. И. Айбабина не может рассматриваться с точки зрения отрицания датировки Жития иконоборческим временем.

Как мы попытались показать [Могаричев и др., 2009, с. 209–210], вероятно, царь Вирхор Армянского Жития – отражение должности и имени некоего не то византийского чиновника, не то хазарского представителя (хотя первое более правдоподобно). Что касается Георгия Тархана, то, несомненно, речь идет о христианине. У него и имя христианское – Георгий, и к Стефану он обращается «Отец святой», и церковь во имя св. Троицы он должен построить: «И был в то время царь Вирхор, (который) проживал в Керчи; вызвал (он) князя Сухты, имя которого был Георг, прозвище Тархан, по какой-то причине; и этот опасался ехать. Пришедши к святому Степанносу, рек: “Отец святой, зовет меня царь, и надвое делится мысль моя, дескать, зачем должен звать меня”. Говорит святой: “Не опасайся, сынок, к добру суть твой вызов этот; зовет тебя, чтобы по мирскому определению женить тебя на женщине; но, ты не соединишься с женой три года, а через три года придешь и построишь церковь во имя Святой Троицы, и после соединишься с женой, и впоследствии возвеличишься и прославленным станешь”, как и вправду случилось» [Могаричев и др., 2009, с. 64]. Что же касается его должности, то можно предполагать, что в первоначальном варианте она обозначалась как архонт [Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 508–509]. Поэтому, сюжет с Георгием Тарханом никак не может свидетельствовать о хазарской зависимости Сугдеи.

Таким образом, несмотря на публикации А. И. Айбабина, мы считаем, что весь комплекс источников показывает, что Сугдея в VIII–IX вв. являлась византийским городом. Конечно, нельзя исключать на каком-то этапе, возможно – в 80-х гг. VIII в. (в момент обострения византийско-хазарских отношений в Крыму и подавления восстания Иоанна Готского в Готии), появления какого-то представителя кагана, занимавшегося сбором податей, однако говорить о принадлежности города хазарам нет никаких оснований.

составлено в любой момент между началом XI и концом XIII в., однако заметная путаница в истории и искажения реалий говорят, скорее, в пользу поздней даты» [Виноградов, 2017, с. 59]. Как видим, «благожелательное» отношение к Константину V налицо и в славянской версии. Поэтому отказываться от датировки древнейшей редакции источника иконоборческим временем нет никаких оснований.

Отметим, недавно А. И. Айбабин совместно с Э. А. Хайрединовой опубликовали результаты исследований некрополя Боспора VII – первой половины VIII в. (99 могил) [Айбабин, Хайрединова, 2018]. Несмотря на постулируемую авторами гипотезу о захвате Боспора хазарами «между 661 и 665 гг.» и уничтожении ими «большой части города» [Айбабин, Хайрединова, 2018, с. 50], а также, учитывая достаточно большое число захоронений, никаких свидетельств хазарского нашествия и погрома, который, естественно должен был отразиться в материалах некрополя, авторы не приводят.

Литература

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII века). М., 2003.
- Айбабин А. И. Хазарская Сугдея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2017а. Вып. XXII.
- Айбабин А. И. Хазарская Сугдея // История Крыма. Т. I. М., 2017б.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранневизантийский некрополь Боспора // Античная древность и средние века. Вып. 46. Екатеринбург, 2018.
- Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового // Васильевский В. Г. Труды. Т. II. Вып. 2. СПб., 1912.
- Васильевский В. Г. Житие св. Стефана Сурожского // Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. СПб., 1915.
- Виноградов А. Ю. Где крестился князь Владимир? Новые источники и новые версии // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М., 2017.
- Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке. // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М, 2017.
- Могаричев Ю. М., Сорочан С. Б. К вопросу об эволюции административно-территориального устройства Боспора во второй половине

- VI–VIII вв. // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Белгород, 2015а.
- Могаричев Ю. М., Сорочан С. Б.* К вопросу об административно-территориальном устройстве Боспора во второй половине VI–VIII вв. // Добруджа. Вып. 30. Добрич: Силистра, 2015б.
- Степанова Е. В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // Античная древность и средние века. Вып. 32. Екатеринбург, 2001.
- Степанова Е. В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев–Судак, 2005.
- Степанова Е. В., Шандровская В. С.* Еще раз о Судакском архиве печатей // Античная древность и средние века. Вып. 35. Екатеринбург, 2004.
- Delehayе Н.* Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. Brussel, 1902.
- Stepanova E.* New Finds in Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. Vol. 8. Washington, 2003.

Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov
**“Khazarian Sougdea” – Historical Reality
or Historiographical Myth?**

Summary

The authors revises controversial issue on Sougdea status in “Khazar Period”. In authors` view, full range of sources show that Sougdea in 8th–9th century AD was Byzantine city and there is no indication of the Khazarian government.

K e y w o r d s : Sougdea, city, Byzantine, Khazar, controversial issue.